

Н. БЕРДЯЕВ

О книге Вяч. Иванова «По звездам»

Книга В. Иванова — редкая по своей утонченности и по творческому подъему. Но вряд ли она будет понята и оценена широким кругом читателей. И хотелось бы сделать идеи В. Иванова хоть немного более доступными. Он прежде всего мистик, мистик не только по идеям, но направлению, но и по манере писать, по стилю. Мистически пишут у нас, быть может, только В. Иванов и Розанов; их писания — не о мистике, а уже сама мистика. Приподнятая атмосфера в статьях В. Иванова верно будет воспринята лишь тем, кто заранее знает, что имеет дело с мистиком. В. Иванов совсем не декадент и лишь по недоразумению может быть причислен к декадентскому лагерю. Он весь в пафосе, полон веры, всегда переходит за грани своего «я», в нем нет и следов декадентской опустошенности, декадентского холода, декадентского неверия, декадентской гипертрофии индивидуализма. Все его творчество от избытка, а не от недостатка, и чувствуется в нем здоровье, а не упадочность.

Пафос В. Иванова в дионисизме, дионисическая стихия бушует в его поэзии, и религии Диониса посвящена почти вся его проза. Если остановиться на литературных истоках идей В. Иванова, то прежде всего нужно отметить огромное на него влияние Р. Вагнера и Ницше, отчасти Шопенгауэра, из русских же Достоевского и, лишь отчасти, Вл. Соловьева. И В. Иванов все как бы колеблется между Дионисом и Христом, между Вагнером-Ницше и Достоевским-Соловьевым, между дионисической гибелью личности, растворением ее в божественной стихии и христианским спасением личности, утверждением ее для вечности. Можно

сближать дух дионисический с духом Христовым, но нельзя их смешивать: в дионисизме личность не спасается, личность растворяется в божественной стихии, таинства дионисические — все еще имманентные таинства природы; в христианстве личность спасается и утверждается в Божестве, таинства христианские — уже трансцендентные и сверхприродные.

Чтобы понять творчески-дионисическую природу В. Иванова, нужно увидеть источник его религиозного творчества не в недостатке и бедности, а в избытке и переполненности. В этом избытке — источник трагизма, из него рождается трагедия. Вся поэзия В. Иванова есть поэзия трагического избытка. А в статьях своих он лишь толкует свою поэзию. И в поэзии и в статьях его чувствуется глубокие мистические истоки, корни не литературные. Утонченная культурность В. Иванова, в которой никто с ним не сравнится, есть лишь форма, лишь оболочка, лишь внешность, но ему чужд литературный академизм, в нем нет упадочного бессилия.

Главное возражение, которое может быть сделано В. Иванову, то, что дионисизм нельзя проповедовать, нельзя проповедовать первичную стихию бытия и земли. Проповедь дионисизма может превратить его в ложь. Проповедовать должно спасение личности в Боге, а не трагическую гибель ее в первозданной стихии. Сам же В. Иванов говорит, что Дионис может быть опасен в России¹. Но главная заслуга В. Иванова не в проповеди дионисизма. Заслугу эту я вижу в том, что он выдвигает творческую и экстатическую сторону религии и делает это вдохновенно. Нельзя не приветствовать призыва к религиозному творчеству, к религиозному почину, хотя почин этот может принимать форму богоборчества. Вся динамика религиозной жизни зависит от утверждения свободной активности человеческой воли, от дерзновенного устремления к новой жизни. Вместе с тем В. Иванов не лишен и консервативного религиозного чувства и прекрасно выражает его, когда говорит о Вечной Памяти в статье «Древний ужас». Культура связана с культом отошедших и вечной о них памятью. В творческом своем дерзновении В. Иванов уклонился к «мистическому анархизму», но то был временный уклон и печальное недоразумение. Самая слабая статья сборника «О неприятии мира» посвящена проповеди мистического анархизма. Но потом победило другое устремление. В. Иванов принимает деление на эпохи органические и критические, и всегда для него

было характерно тяготение к эпохам органическим. В мистическом же анархизме нет ничего органического, это порождение критической переходной эпохи. С учением об органической культуре связано у В. Иванова понимание задач искусства, чему посвящена большая часть статей сборника. Идеи В. Иванова об искусстве — самое драгоценное в нем, в них большая его заслуга, идеям этим принадлежит будущее.

В. Иванов пророчествует о большом, всенародном, синтетическом, теургическом искусстве. Идея эта была уже у Р. Вагнера, С. Маллармэ, Рескина, Вл. Соловьева, но В. Иванов развивает ее своеобразно. Он преодолевает отвлеченный и классический идеал искусства для искусства, как порождение критической, дифференцированной культуры, жаждет преодолеть разрыв «поэта» и «черни», но во имя идеала искусства не тенденциозного, не утилитарного, а теургического и синтетически цельного, рождающего всенародную жизнь в красоте. Он призывает вернуться к мифологическому мироощущению и мирозерцанию, предчувствует наступление новой мифотворческой эпохи. В призыве этом и предчувствии этом есть, быть может, большая правда. Всенародное религиозное возрождение предполагает возврат к примитивизму, но через критику сознания.

Иванов вполне последовательно защищает реалистический символизм против символизма идеалистического. Свою идею о всенародном искусстве В. Иванов всегда связывает с возрождением греческой трагедии и дионисического духа. Он много говорит о новом театре, мечтает о возрождении того всенародного действия, которое было в Греции. Иногда кажется, что В. Иванов впадает в ту же ошибку, что и Вагнер, который хотел возродить религиозную жизнь народа через искусство и театр, в то время как в подлинно органические эпохи искусство и культура рождаются из недр всенародной религиозной жизни. Но в последних своих статьях он подчеркивает, что нового искусства и нового театра ждет от религиозного возрождения. Сам В. Иванов человек высокой утонченной культуры, и потому именно он призывает к «варварству», в котором видит мистические истоки органической эпохи. Он своеобразный демократ, художественный защитник хорового начала. В В. Иванове бродит славянофильская закваска и сказывается в статье его «О русской идее», грешащей некоторыми старо-славянофильскими недостатками. В. Иванов — самое крупное явление в нашей «модернистской» литературе,

явление, глубоко отличное от всякого декадентства. Но сгущенность мистических переживаний, — тяжелая и малодоступная форма письма, хотя и своеобразно-красивая, делает этого проповедника всенародного искусства доступным лишь немногим.

Мистический пафос В. Иванова признают за искусственный, взвинченный, литературный, и не отгадают его, не оценят природы этого подлинного мистика и подлинного поэта. Оценка принадлежит будущему. Пока же хотелось бы, чтобы его больше читали, хотелось бы также, чтобы сам В. Иванов с меньшими колебаниями шел к своей цели, окончательно направил бы свою умопостигаемую волю к христианской мистике и христианскому теургическому искусству.

1909

